

ВЕРА
КРЫЖАНОВСКАЯ

БОЛОТНЫЙ
ЦВЕТОК

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К85

Крыжановская В.И.

К85 Болотный цветок / В.И. Крыжановская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM. — 184 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72610-8

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Веры Ивановны Крыжановской «Болотный цветок».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

Был тихий августовский вечер. На большой террасе виллы Коллеони, в Монако накрывали вечерний чай, и сама хозяйка наблюдала за приготовлениями.

Эмилия Карловна Коллеони была видная женщина лет пятидесяти; белое и свежее, с приветливыми чертами лицо сохранило следы красоты, большие голубые глаза отражали чрезвычайную доброту, и лишь седые, серебристые волосы обнаруживали наступавшую старость.

Была она урожденной баронессой Фарнроде, но выход замуж за скромного художника повлек за собой общее неудовольствие и почти полный разрыв с семьей. Хотя лет восемь тому назад, уже после смерти мужа, у нее и произошло примирение с родными благодаря стараниям ее племянника, барона Реймара, очень расположенного к тетке и ее покойному мужу, тем не менее с некоторыми членами семьи, а особенно с женой брата, рожденной графиней Земовецкой, отношения все-таки остались натянутыми. Впрочем, это охлаждение родственников нимало не тревожило Эмилию Карловну. Муж оставил ей хорошее состояние, вполне ее обеспечивавшее, и чудную, окруженную садом виллу, в которой она жила, занимая нижний этаж и сдавая верх богатым иностранцам.

— А пришел ли барон с прогулки, Мариетта? — спросила она у горничной итальянки, ставившей на стол чайную посуду.

— Да, синьор барон вернулся с полчаса тому назад и сидит у себя в комнате.

— Так сходи и попроси его пить чай.

И поставив цветы в вазу, она еще раз окинула взглядом накрытый стол с тонкой посудой, старинным массивным серебром, обильно уставленный свежим печеньем, маслом, сыром и холодной дичью.

Не успела Мариетта исполнить ее приказание, как балконная дверь отворилась и на террасу вошел племянник.

— Добрый вечер, тетя. Прости, я кажется, заставил тебя ждать? — спросил он, целуя у нее руку.

— Нисколько, мой милый. Мы с Мариеттой только что закончили наши приготовления.

Барон Реймар Фарнроде был человеком высокого роста, плотного сложения, но стройный.

Холодная и даже надменная манера себя держать смягчалась приветливым выражением лица. В больших голубых глазах светились ум и энергия; из-под тонких усов виднелись красиво очерченный рот и ряд ослепительно белых зубов.

Уже два месяца молодой барон гостил на вилле Коллеони и начинал поговаривать об отъезде, но тетка все удерживала его, окружая лаской и закармливая любимыми блюдами.

Сидя за столом, племянник с тетушкой оживленно болтали. В это время у чугунной садовой калитки остановился экипаж, и тотчас из дома выскочила горничная в плоеной наколке, пробежала через сад и стала что-то наказывать кучеру.

— Адаурова опять снаряжается в Монте-Карло. Какую она отчаянную игру ведет! Смотри, тетя, не остаться бы тебе при одном приятном воспоминании, что приютила эту красавицу, — усмехаясь заметил барон, накладывая на тарелку кусок дичи. — В этом отношении я спокойна: она мне уплатила за четыре месяца вперед. Кого мне от души жаль, так это Марину. Бедная девочка производит тяжелое впечатление: в ее глазах столько грусти и усталости. А как она хороша, даже слишком хороша для той обстановки, в которой живет. Но, конечно, рядом с матерью она много теряет, потому что та ослепительно прекрасна. Опасная женщина.

Барон покраснел.

— Опасны они обе, только с той разницей, что одна еще не сознает своей обольстительности, а другая ею злоупотребляет! Вообще, мамаша особа подозрительная. Ты не знаешь, есть у нее какие-нибудь средства, или все эти роскошные экипажи и туалеты оплачиваются щедротами моего милейшего кузена Земовецкого? В таком случае она ему здорово вскочит. Меня это интересует ввиду некоторых, хотя и сомнительных прав на наследство, — рассмеялся барон.

— Ну, я не думаю, чтобы твоя бабушка распустила вожжи, раз дело касается денег; у графини Ядвиги ручка крепкая, очень-то не раскутишься, — с улыбкой ответила тетка. — А о частной жизни Адауровой я мало знаю; так, кое-какие указания Марины да рассказы, может быть и прикрашенные, одной русской дамы, живущей на вилле Бальмора, которая уверяет, будто знает их.

— Расскажи, расскажи, тетя. Я хотел бы проверить одно предположение, которое на днях пришло мне в голову...

Он остановился, потому что дверь подъезда отворилась. С крыльца сошли две дамы и направились к ожидавшему их экипажу.

Одна из них, лет тридцати пяти, была в полном смысле слова красавицей. Черное кружевное платье и большая черная шляпа с перьями резко оттеняли мраморную белизну лица и металлический отлив чудных пепельных волос. Черты были тонкие и правильные. Лихорадочный блеск красивых глаз и нежный румянец, игравший на щеках, производили впечатление чего-то болезненного. В руках у нее была шитая золотом накидка и перламутровый инкрустированный мешочек.

Она вполголоса разговаривала с шедшей рядом дочерью — стройной молодой семнадцатилетней девушкой. Пышные пепельные, как и у матери, волосы обрамляли прелестное личико матовой белизны и без малейшего румянца; даже тонкие губы с красивым, но резким изгибом казались бледно-розовыми. Вся жизнь этого чистого, как фарфор, личика сосредоточилась в глазах, обрамленных длинными пушистыми ресницами. Выражение лица было задумчивое, почти суровое. На ней было голубое батистовое платье и большая соломенная шляпа, украшенная чайными розами.

— И к чему она таскает с собой дочь в этот притон, где девушка должна присутствовать при том, как Станислав ухаживает за ее мамашей, — с неудовольствием, хмурая брови, заметил барон.

Затем он встал и, опершись на балконные перила, смотрел, как дамы усаживались в экипаж.

— Ты, тетя, хотела мне рассказать про Адаурову, — сказал Реймар, снова сядя за стол. — Видишь ли, одна из моих кузин, Юлианна Червинская, замужем за неким генералом Адауровым, который, кажется, развелся с первой женой. Так вот эта разведенная жена — не твоя ли жилища?

— А ты с ним знаком?

— Нет, я с ним не встречался, да и Юлианну не видал, по крайней мере, лет десять. Она воспитывалась в Варшаве, и на ее свадьбе я не мог быть потому, что тогда отец был при смерти.

— Твое предположение, может быть, верно. Марина мне только намекала на прошлое матери; зато мадам Шванеман, та русская дама, про которую я тебе говорила, рассказывала мне про Адаурову разные разности. Ты знаешь, русские не привыкли щадить своих; хотя, впрочем, она говорила, что Адаурова — жертва несчастного супружества.

Вышла она по страстной любви, но муж ее обманывал, сойдясь с женой какого-то моряка, бывшего в дальнем плавании. История эта дошла, наконец, до Надежды Николаевны. Узнав, что муж принимает свою даму сердца на их квартире, пока она была в деревне, а супруг проживал в городе, удерживаемый службой, она их накрыла... Приготовилась ли она заранее, будучи уверена, что захватит виновных, или оружие нечаянно попало ей в руки, но она застрелила при этом свою соперницу. Лишь благодаря связям удалось потушить это дело: дама была убита, и скандал все равно ее не воскресил бы. После этого Адаурова потребовала развода и взяла к себе дочь, которой было тогда семь лет. Говорят даже, будто девочка была свидетельницей убийства, но я этому не верю.

Располагая личными и довольно значительными средствами, она всегда жила богато и широко; но прожила ли она свое состояние, я — не знаю, хотя это вполне возможно ввиду ее страсти к игре. По мнению мадам Шванеман, она дурит, чтобы заглушить любовь к мужу, которого все еще не может забыть. Кроме того она морфинистка и злоупотребляет этим, по словам доктора Морелли.

— Грязная история и в результате — разбитая жизнь. Но тот ли это генерал Адауров или нет, все равно. Я не понимаю, как отец решается оставлять свою дочь на руках подобной матери, — заметил барон.

В это время Мариетта подала вечернюю почту, и Реймар принялся за чтение газет, а тетка сошла в сад наблюдать за поливкой цветов и газона.

Эмилия Карловна уже кончала свой обход сада, когда стук остановившегося у калитки экипажа привлек ее внимание.

Это вернулась Адаурова дочь и, увидав хозяйку, подошла к ней здороваться.

— Вы уже вернулись, Марина Павловна, — с улыбкой встретила ее та.

— Я только проводила маму до казино. Я не могу там оставаться: в зале так шумно и душно, что у меня голова кружится и не хватает воздуха. Кроме того, я ненавижу игру, а бренчанье денег и громкие окрики крупье мне действуют на нервы. Поэтому я всегда только мешаю маме.

— Вы так и останетесь наверху одна до приезда мамыши?

— Да, конечно. Дома так хорошо: тихо и воздух такой чудный, мягкий; а я люблю тишину и покой. Я все какая-то усталая...

— Нет, это невозможно. Вы напьетесь с нами чаю на балконе, а вашу шляпу и перчатки я отошлю.

Марина, видимо, колебалась.

— Благодарю вас, вы очень добры. Правда, у нас скучновато, когда никого нет дома. Но вы не одни, с вами ваш племянник... — в замешательстве пробормотала она.

— Так что же? Это ничего не значит. Или вы его боитесь? Совершенно напрасно, он совсем не злой, — засмеялась Эмилия Карловна и, взяв под руку молодую девушку, повела ее к террасе.

— Вот привела свою любимицу и прошу тебя, Реймар, развлечь ее, пока я занята с садовником, — поднимаясь на ступеньки крикнула она племяннику. — Должна предупредить, что она тебя боится.

Барон вскочил и пошел навстречу.

— Что я слышу, Марина Павловна? Вы меня боитесь, отчего? Я никогда не считал себя таким страшным, чтобы пугать молодых барышень, — весело улыбаясь, сказал барон, удерживая протянутую ему ручку в своей.

Он повернул кнопку, и яркий электрический свет озарил Марину, которая остановилась у кресла, хрупкая и нежная, точно видение. Большие бархатные глаза застенчиво и грустно смотрели на него; даже в эту минуту личико ее осталось бледным.

Барон восторженно глядел на нее, и в голове его мелькнула мысль:

«Тетя права, она дивно хороша!»

— Ну-с, признавайтесь — почему вы меня боитесь?

Марина тряхнула хорошенькой головкой.

— Я не то что именно боюсь, хотя у вас и очень строгий взгляд. Но я знаю, что вы осуждаете нас, особенно маму; я это прочла в ваших глазах, а кроме того еще что-то, похожее на презрение, — она глубоко вздохнула.

Яркая краска залила лицо барона. Он взял похолодевшую руку Марины и крепко пожал ее.

— Вы преувеличиваете и несправедливы, — виноватым тоном заговорил он. — Могу ли я презирать такую невинную душу, как вы? Но я хочу быть откровенным: вашу мать я осуждаю за то, что она водит свою дочь в эту игорную трущобу, притон дьявола; но это и все, клянусь вам. Да какое же право, наконец, я имею делаться вашим судьей?

— Да кто же может запретить вам высказывать ваше мнение? На прошлой неделе я невольно слышала ваш разговор, когда вы жестоко осуждали маму. Я могу только сказать, что вы несправедливы и не знаете, что она глубоко несчастна и страдает; все это она делает для того, чтобы забыться...

Барон еще гуще покраснел, вспомнив как беспощадно выразился перед теткой об ее матери.

Ему теперь было совестно, но не мог же он сказать Марине, что на матери лежат другие обязанности, а не только искание забвения в безумствах, хотя бы и для того, чтобы заглушить свое горе. Но он нашелся.

— Мать должна посвящать все силы души, всю любовь, на которую способно ее сердце, заботам о своем ребенке, а у вашей мамы не хватает, кажется, для вас времени.

В голосе, помимо его воли, послышалось все-таки осуждение, и Марина, снимавшая в это время печатки, нерешительно взглянула на него.